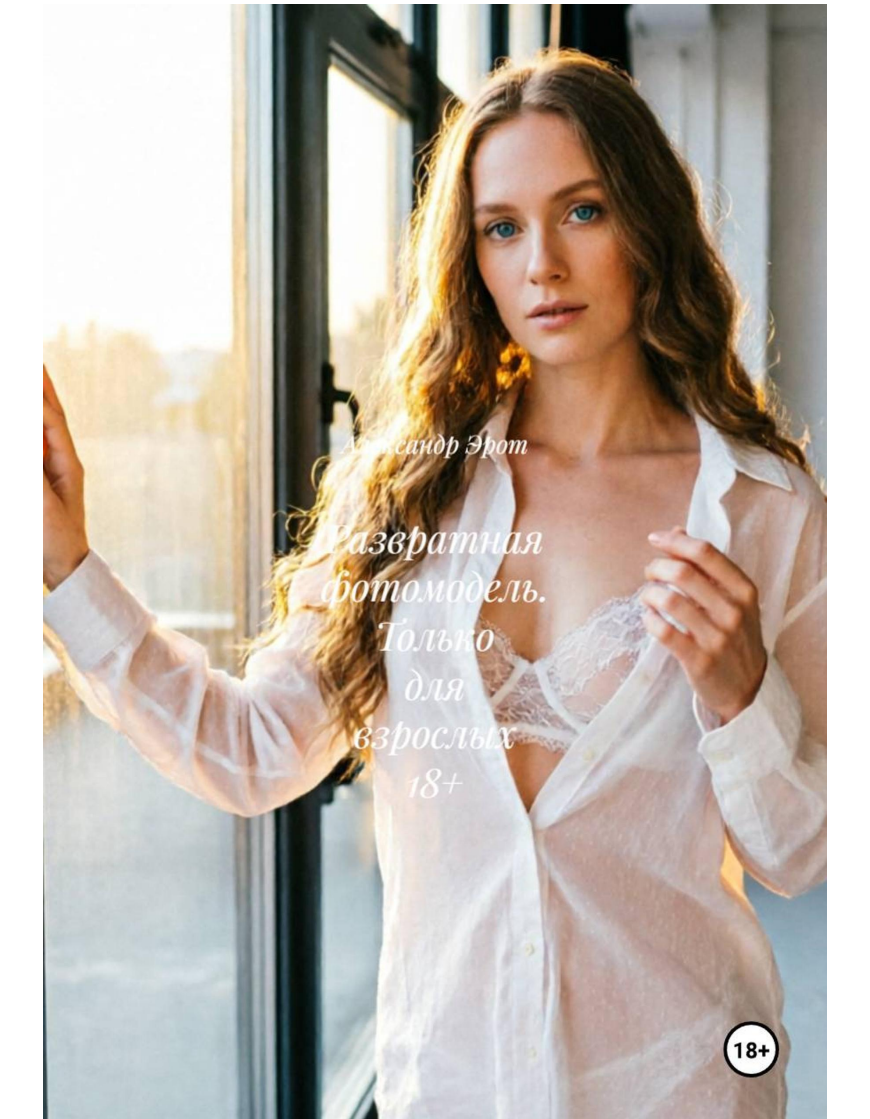

Александр Эрот

*Развратная
фотомодель.*

*Только
для
взрослых
18+*

18+

Александр Эрот

Развратная фотомодель.

Только для взрослых 18+

<https://litres.ru/74385134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шесть съёмок. Шесть попыток поймать идеальный кадр. Но Макс искал не просто красоту — он охотился за правдой.

Она пришла в его студию профессиональной моделью: умеет держать позу, контролировать взгляд, прятать эмоции за безупречной маской. Но фотограф видит больше. Он замечает, как сбивается дыхание, как дрожат пальцы, как тело выдаёт то, что разум пытается скрыть.

Когда съёмка заканчивается, начинается настоящая игра. Без объектива между ними. Без права на позу.

Его вопросы режут точнее вспышки. Его прикосновения выставляют свет там, где она прятала тени. Он требует не просто тела — он требует честности. Той, что пугает больше наготы.

Границы между искусством и одержимостью стираются. Между фотографом и моделью возникает нечто опасное — притяжение, которое невозможно контролировать, как невозможно остановить проявку плёнки.

Она думала, что пришла за портфолио. Она не знала, что станет его самым откровенным кадром.

Идеальная экспозиция рождается там, где начинается правда.

Александр Эрот

Развратная фотомоделль.

Только для взрослых 18+

Я устроилась на пуфике и запустила пальцы под ткань трусиков. Съёмка разожгла во мне что-то неуправляемое — Макс смотрел сквозь объектив так, словно уже владел мной. Я терла клитор, покусывая губу, пока два пальца скользили внутрь. Я не услышала, как щёлкнул замок.

Он стоял в дверях. Смотрел — долго, без слов. Потом отложил камеру.

— Решила без меня? — голос низкий, почти ленивый. Ремень расстегнулся одним движением. — Я думал, ты хочешь ещё один сет. Более честный.

— Хочу, — прошептала я. — Очень хочу, Макс.

— Тогда на колени, — скомандовал он тем же тоном, каким говорил «прогни спину» или «посмотри в камеру». — И попроси. Правильно попроси.

Колени коснулись холодного ламината.

— Пожалуйста... снимай меня так, как считаешь нужным. Я сделаю всё. Я буду твоей моделью — послушной, грязной, шлюшкой.

Я произнесла это — и что-то во мне разомкнулось, как застёжка на корсете, которую долго не решаешься расстегнуть.

Макс не торопился. Он вообще никогда не торопился — это я поняла ещё на первой съёмке, когда он заставил меня три часа менять положение плеч, добиваясь единственного угла, в котором свет ложился так, как ему нужно. Терпение было его инструментом. Оружием.

Он подошёл ближе. Пальцами взял меня за подбородок — не грубо, но с той уверенностью, которая хуже любой грубости, потому что не оставляет места для сомнений.

— Смотри на меня.

Я смотрела.

— Ты мастурбировала в моей студии, — сказал он почти задумчиво. — На моём пуфике. Под моим светом. — Большой палец провёл по моей нижней губе. — Ты думала об этом во время съёмки?

— Да.

— С какого момента?

Я помолчала. Ламинат давил на колени.

— С того, как ты поставил меня у окна. И попросил расстегнуть верхнюю пуговицу.

Он слегка улыбнулся. Едва заметно.

— Только верхнюю?

— Только верхнюю.

— А хотела ты?

— Все.

Он убрал руку. Отошёл — я почувствовала это как потерю — и опустился в своё кресло, то самое, с которого обыч-

но смотрел на мониторе отснятый материал. Закинул ногу на ногу. Снова взял камеру — небольшую, цифровую, не рабочую, личную.

— Тогда расстегни, — сказал он. — Медленно. И смотри только на меня.

Я стояла на коленях и расстёгивала пуговицы одну за другой, и это было как стриптиз, только честнее — потому что некуда было прятать лицо, некуда уводить взгляд. Он снимал. Тихий щелчок затвора. Ещё один.

Блузка раскрылась. Под ней — тонкое бельё, почти ничего.

— Хорошо, — произнёс он тем же тоном, каким говорил это на съёмках, когда кадр получался именно таким, каким должен был быть. Не похвала — констатация. — Теперь сними.

Я сняла.

Пауза. Он смотрел в объектив, но я чувствовала взгляд сквозь него — как будто стекло не разделяло нас, а напротив, концентрировало что-то, между нами, увеличивало.

— Ты знаешь, что тебя выдаёт? — спросил он.

— Что?

— Дыхание. — Он опустил камеру. — С первой съёмки. Ты умеешь контролировать позу, взгляд, руки. Но не дыхание.

Я не знала этого. Я вдруг почувствовала себя очень обнажённой — и бельё было здесь ни при чём.

— Встань, — сказал он.

Я встала. Ноги немного затекли от холодного пола.

Он поднялся из кресла. Снова подошёл — на этот раз вплотную, так что я чувствовала тепло его рубашки, запах — что-то тёплое, кожаное, своё.

— Повернись.

Я повернулась спиной к нему. Руки его легли на мои плечи — и медленно, очень медленно двинулись вниз по позвоночнику, следуя каждому изгибу, как будто он изучал рельеф, запоминал топографию.

— Я снимал тебя шесть раз, — сказал он мне в затылок. — Шесть сетов. И каждый раз ты давала мне ровно столько, чтобы я хотел следующего.

— Я не делала этого специально.

— Знаю. — Пальцы добрались до застёжки бюстгальтера. — Это и было самым интересным.

Щелчок — и бретели соскользнули с плеч сами. Он убрал бельё и снова положил ладони на кожу — теперь уже на голую спину, и это было совсем другим прикосновением, более прямым, без посредников.

— Наклонись, — сказал он. — Руки на стол.

Перед нами был его рабочий стол — мониторы, жёсткие диски, листы с контрольными распечатками. Я наклонилась. Оперлась ладонями. На одном из мониторов в спящем режиме светилось что-то — кадры с сегодняшней съёмки, застывшие на паузе. Я увидела себя — в том изгибе у окна,

который он попросил. Увидела своё собственное лицо, в котором было написано всё то, о чём я думала, что скрываю.

Его рука скользнула под резинку трусиков.

— Ты уже начала без меня, — произнёс он, и в голосе было что-то похожее на удовольствие исследователя, который находит то, что предполагал найти.

Я не ответила. Не было слов — было только его прикосновение и тихий звук, который я не смогла удержать.

— Голос, — сказал он тихо. — Я хочу слышать.

Потом — я не могу сказать, сколько времени прошло, время в такие моменты делается вязким, густым, как экспозиция при слабом свете — он взял меня за запястья и развернул. Посмотрел на лицо долго, внимательно, как смотрят на снимок, который печатается в ванночке с проявителем.

— Ложись.

Не на стол. На широкий низкий диван у дальней стены — я никогда не думала об этом диване как о чём-то функциональном, он всегда казался просто реквизитом. Теперь я понимала, что ошибалась.

Он не снял рубашку сразу. Снял только когда устроился рядом — неторопливо, пуговица за пуговицей, и я смотрела на это как на зеркальное отражение того, что делала сама несколько минут назад. Это была его симметрия. Его ответ.

— Макс.

— Что?

— Ты всегда так работаешь?

Он посмотрел на меня с тем выражением, которое я видела, когда он отбраковывал неудачные кадры — без злости, без снисхождения, просто оценивающе.

— Нет, — сказал он. — Не всегда.

И этот ответ почему-то значил больше, чем если бы он сказал что-то другое.

Он был тяжёлым — не давяще, а убедительно, весомо, как аргумент, который невозможно оспорить. Я подняла руки и положила их на его плечи — не чтобы остановить, а чтобы удержаться, потому что что-то внутри меня уже качалось, как горизонт на длинной выдержке.

Он двигался медленно. С той же методичностью, с которой выставлял свет. Проверял. Смотрел на моё лицо.

— Вот так, — сказал он вполголоса, — ты выглядишь честно.

Я не знала, что это значит. Или знала — и именно поэтому закрыла глаза.

— Нет, — он коснулся моей щеки. — Смотри.

Я смотрела. В потолок, где был рассеянный студийный свет, ещё не выключенный после съёмки. В его лицо, которое было близко и сосредоточенно. В себя — в то, чем я была в этот момент, без поз и углов, без контрольных распечаток.

Когда я кончала, это было протяжно и глубоко, как будто что-то очень долго сжатое наконец получило разрешение разжаться. Я слышала собственный голос — незнакомый, очень низкий — и его дыхание рядом, изменившееся, поте-

рившее ту ленивую ровность, которую он так тщательно держал.

Потом — тишина. Студийная, плотная. Где-то снаружи шёл город, но здесь, в этих звук изолированных стенах, была только тишина и свет, который никто не додумался выключить.

Он встал первым. Налил воды из графина на рабочем столе. Поставил стакан рядом со мной — молча, как само собой разумеющееся.

Я лежала и смотрела, как он одевается. Снова неторопливо. Снова с той аккуратностью, которая в нём всегда была немного раздражающей, а сейчас была просто частью него — такой же, как умение работать со светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.